

Авторские отступления в Словаре В. И. Даля

Н. В. ПОПОВА,

кандидат филологических наук

олковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля в русской лексикографии занимает особое место. До сих пор он не потерял своей актуальности и читается как книга, раскрывающая перед читателем картины жизни и быта русского народа. И подобно тому, как в «Евгении Онегине» или в «Мертвых душах» присутствует лирический герой, который врывается и повествование своими рассуждениями, шутками и репликами, так и в Словаре Даля лирический герой-автор оценивает весь этнографический, социологический, нравственный, лингвистический материал своим собственным судом, одобряя или порицая его. Эти авторские суждения даются в Словаре особым шрифтом, так как в структуре словарной статьи являются дополнениями. Поэтому специально они не изучались, хотя «лирические отступления» входят в число тех особенностей, которые отличают Словарь от других словарей. По содержанию эти дополнения можно разделить на такие группы:

1. Введенные в иллюстрации шутки по поводу комических ситуаций. Эти ситуации подробно излагаются в словаре (ничего подобного нет в лексикографической литературе, кроме Словаря Даля).

В словарной статье *Вчера* читаем: *Пошел завтра, пришел вчера. А где тот хлеб, что вчера съели?* К толкованию слова *пест* (для толчения или растирки чего в ступке, или в ступе, толчее) дана такая зарисовка: *«Глупая баба и песту молится. Отроду впервые старуха задумала идти на село, в церковь, да дорогою попала на мельницу.— Вы ли поны будете? — Мы.— А где ж у вас молиться? — Мельник указал ей на стуну: вот тут!»*

Среди примеров к слову *Разводить* есть такое рассуждение: *Первая забота, как бы жениться; другая забота — как бы развестись!* И далее шутка: *Не хочу жить с тобой, пойдем в баню, разведемся!* В иллюстрациях к слову *черт* эта шутка, кстати, повторена: *Черт с тобой, не живи со мной; пойдем в баню, да разведемся!*

Смех Даля иногда отзывается скрытым сарказмом. Вот какая далеко не безобидная для чиновника-бюрократа сценка приведена в статье *Писать*: «Это мы пишем, или к нам пишут? — спрашивал начальник каждый раз секретаря своего, прочитав бумагу от начала до конца внимательно вслух». Столь же язвительно звучит речение, сочиненное, видимо, самим автором к слову *подгадить*: *У нас, коли нечем подгадить, так хоть лишним усердием.*

Об искаженном представлении о человеческом достоинстве, которое заменяется заботой о собственном благополучии, приводит Даль просьбу «зауряд-хорунжего» в статье *Переносить*: «*Все перенесу, хоть высечь прикажите, только чести не лишайте,* — сказал зауряд-хорунжий, опасаясь, что его разжалуют».

Даль без ограничения вводил и заимствованные слова, если они употребительны в живой речи, но при этом не пропускал возможности посмеяться над употребляющим чужое слово не к месту или не впопад.

«*Палундра*, морское, — окрик вроде: прочь, стерегись, ожгу, убью! остерегайтесь от падающей вещи... *Палундра*, сам лечу! — кричал матрос, падавший с марсу»; «*Пардон* [французское] — прости, помилуй, покоряюсь, сдаюсь... — *Ах, ты, такой и сякой, ты сам пардон, и твоя жена пардониха, и твои дети пардонята,* — так будто бы ругалась нищая баба, которую кто-то толкнул и извинился перед нею словом *пардон*»; к слову *Палевый*, обозначающему цвет бледно-желтоватый, соломенный, Даль приводит ограничения в сфере специального употребления: *о лошадях, о собаках, о голубях*. И совершенно неожиданно заключает статью странным речением: *Карамзин воспевал палевые сливки*. Вероятно, это отголоски литературной полемики о вводе иностранных слов в живой обиходный язык.

2. Замечания, представляющие собой оценки, рекомендации и прогнозы автора о жизнестойкости и ценности того или иного слова. Например: *Пальто* — «весьма неудобное для нас название верхнего платья, мужского и женского вроде широкого сертука...» Как бы в подтверждение того, что название это «весьма неудобное для нас», Даль приводит его искаженное употребление: *пойдем пальты примерять*, сопровождая форму множ. числа пометой «множ. народн.», будто есть две грамматики, две формы множественного числа — литературная и народная. Кстати, Даль и тут, как нам кажется, прав, так как в устной речи есть свои грамматические приемы, пока еще недостаточно изученные.

В словарной статье *Позвонки* Даль прибавляет свои, более «приличные» наименования: к «четырем главным отделам животного царства прилично бы дать названия: *костяки, мякиши, кожу-*

рѣны и жѣворосли (позвопочные, мягкотелые, суставчатые, животного-растения)». *Пыж* — клуб, ком, сверток, пеньковый, шерстяной, которым прибивают заряд; вообще ватычка... «..Академический словарь [дает] ошибочно *пьеж*; множество подобных ошибок, с расстановкою слов в этом виде по азбучному порядку, крайне докучливы и могут всякого ввести впросак», — замечает автор посередине словарной статьи.

Рассыпаны в авторских отступлениях и этимологические экскурсы вроде такого: *Перѹн* — «Если *перѹн* одного корня с *прах*, *перхоть*, *перст*, то означает истребителя, пспрашителя; если от *переть*, *пря*, то попирателя или вонтеля; у Шимкевича, от *прать*; менее вероятно от *перо*»; к слову *Пазуха* в конце толкования в скобках говорится: «*Пазухе* придавалось главное значение *груди*, а на связь с *пѣзом* не указывали; а у Шимкевича *пазуха* принято за корень?»

Рассматривая словообразовательную роль приставки *пере-*, Даль сожалеет, что нельзя предусмотреть всех случаев, так как «образование предложных слов с предлогом *пере-* [по терминологии Даля, *пере-* — предлог, то же, что приставка] так обширно, что полноты их нельзя требовать даже от словаря, но они большей частью понятны по себе».

3. Много и иных шутливых фраз, остроумных диалогов, задорных, полных юмора реплик, которые не укладываются в рамки пословиц, поговорок, содержит этот уникальный лексикографический опыт: *Пальцы торчат, работать мешают* (статья *Пальцы*); *Ты больно тепло оделся. — А ты пареного человека видывал? — Нет, не видал. — А я мерзлого видел* (*Парить*); *Болен: на зубах мозоли, и волоса распухли. Шуточно* (*Распухать*).

Нам представляется, что изучение авторских отступлений в Толковом словаре раскроет перед нами добавочные черты личности В. И. Даля, полной оптимизма и душевной щедрости, а также пополнит наши знания о мировоззренческих идеалах автора. Подобный прием в лексикографии повторить или перенять не под силу пока никакому составительскому коллективу. В этой области В. И. Даль остался непревзойденным мастером.

Ленинград